

Ольга ПЛОТНИКОВА

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Одним из важнейших рубежей социально-экономического, политического и культурного развития русского общества является период древнерусской цивилизации, закономерным образом связанный с образованием государства и становлением институтов публичной власти.

Формирование и развитие древнерусской цивилизации, впрочем, как и других древних цивилизаций, в первую очередь было связано с ростом населения и созданием эффективных способов производства необходимых обществу продуктов. Новый образ жизни, основывающийся в области материальной культуры на определенной системе жизнеобеспечения, расширяющийся и усложняющийся спектр личных и общественных потребностей стимулировали развитие специализированных производств. Одновременно изменялась и социальная структура, складывались и развивались ранее неизвестные социальные институты.

Процесс институализации сопровождался обособлением власти. Так, обособляются институт князя и княжеской дружины, связанные военными походами и богатствами, приобретаемыми и накапливаемыми во время походов, что привело к естественным процессам дифференциации и обособлению.

Сведения об обособленности быта древнерусской дружины, а также о размещении дружинных поселений на территории древнерусского государства можно почерпнуть и из археологических данных, которые опять-таки подтверждают основной признак древней цивилизации, отмеченный еще Г. Чайлд: наличие монументальных сооружений — культовых, светских или погребальных. К сожалению, в связи с переменной веры культовые сооружения на Руси, как известно, были уничтожены, в связи с чем основной материал для изучения представляют погребальные комплексы.

Дружинные контингенты в IX—X веках встречаются в различных регионах расселения восточного славянства. Наиболее сильный контингент дружинников связан с ядром древнерусского государства — в узком смысле (Среднее Поднепровье): на этой территории расположены киевский, черниговский и шестовицкий некрополи¹.

Процессы легитимизации и дессигнации власти, прослеживаемые уже с периода правления Олега и особенно ярко проявившие себя в период княжения Владимира, закрепившего княжества за родом своим, привели к тому, что власть князя приобрела и экономические функции. В результате этих процессов князь, как видно из летописных материалов, постепенно подчиняет себе аппарат общинного самоуправления — вече, и это понятно уже на основании первого летописного упоминания о созыве вече в 997 году в Новгороде. Так, вече было создано в экстренной ситуации — осады города печенегами и под угрозой голода и смерти, многие исследователи пришли к однозначному выводу об утрате полномочий вече к X веку и укреплении полномочий князя. Укреплению полномо-

*ПЛОТНИКОВА
Ольга
Анатольевна —
к. ист. н.,
заведующая
кафедрой мировой
экономики
и международных
отношений
Московского
гуманитарного
университета*

¹ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 28–46

чий первоначально способствовали натуральные подношения, которые князь получал от племени, и часть судебных пошлин, что становилось определенным видом материального обеспечения в мирное время.

В праславянский период такой форме материального обеспечения соответствовало, вероятно, понятие «darb», которое продолжало древнейшую индоевропейскую традицию отношений, содержащихся в понятии дар — давать, брать. В позднем племенном обществе такой дар становился также формой признания рядовыми членами племени особого почетного положения князя¹. В древнерусский период эти виды общественных отношений в виде добровольных внутриплеменных натуральных подношений князю были продолжены и развиты в особых государственных податях. На последней стадии племенного строя добровольные натуральные подношения рядовых членов племени князю и его дружине становились началом постоянного внутриплеменного податного обложения для их содержания. Об этом свидетельствует также эволюция праславянского понятия «darb» от обозначения добровольного дара к названию государственной подати.

Внешний облик древнерусской цивилизации ярко характеризуется предметным миром культуры, изучаемым, особенно на формативной стадии, в значительной мере по материалам памятников древнерусской литературы и археологическим данным.

Древнерусская архитектура и письменность как составляющие цивилизации были сосредоточены в крупнейших древнерусских городах, о чем находим сведения в летописных материалах. Храмы и монастыри, вероятно, и представляли собой ядро древнерусской цивилизации как культурного комплекса. Немаловажное значение в развитии древнерусской цивилизации играли города как центры экономического развития и политической власти.

Исключительное значение имело появление на Руси письменности. Находящаяся в Повести временных лет

статья о выборе веры Владимиром только подчеркивает значение письменности для древнерусского общества, в данном случае письменность являлась проводником Новой веры, что имело огромное культурное и политическое значение. Ее создание отнюдь было не результатом отвлеченных умозрительных комбинаций, а насущной потребностью общества, вступающего в новую фазу своего развития. Христианизация уже сама по себе являлась результатом возросшего государственного самосознания господствующей верхушки, конфронтация же его с идеей империи становилась фактором, который стимулировал дальнейшую кристаллизацию представления о государственном суверенитете.

Появление письменности на Руси привело к возникновению новой профессии писцов, обучение которых в специальных школах давало также и зачатки положительных знаний. При этом необходимо учитывать, что писцы в первую очередь являлись служителями Церкви или, что характерно для Руси, монастырей. Монастыри в свою очередь подчинялись князьям и соответственно история, фиксируемая летописцами, во многом была подчинена ветхозаветной истории, византийской традиции, откуда и пришла письменность, и конечно, политической идеологии правящего рода.

Рассматривая восприятие древнерусским обществом институтов власти, в первую очередь института княжеской власти, обратимся к доводам А. П. Толочко. Так, исследователь весьма правомерно считал, что для представлений древнерусского общества с его мифологическим мышлением нехарактерно, а точнее, невозможно осознание княжеской власти как политического института, «не овеществленного» в обряде или культе отношения господства и подчинения, отношения между человеком и государством. Княжеская власть мыслилась как сакральное качество (но не общественное отношение) и при том не отдельного человека, а княжеского рода как единого целого².

Можно согласиться с мнением историка и в том, что символика власти русских князей имеет иностранное происхождение. Например, названия Золотых ворот,

¹ Трубачев О. И. Славянская этимология и праславянская культура. Славянское языкознание: X международный съезд славистов. М., 1988, стр. 323

² Толочко П. П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987, стр. 67

Софийского собора, Богоматерь—Оранта, мозаика с изображением которой украшает центральную апсиду Софийского собора в Киеве, северный придел того же собора, посвященный св. Георгию, который воспринимался в Византии как покровитель царей, позиционирование Владимира I как «нового Константина» и еще целый ряд важных символов заимствованы киевскими князьями из Византии¹. А. В. Назаренко предполагает, что Русь могла использовать византийские символы для конструирования собственных политических концепций, весьма далеких как от идеи вселенской супрематии византийского императора, так и от идеи империи вообще².

После принятия христианства возвышению престижа князя немало способствовала православная проповедь «богоустановленности власти». В древнерусское летописание прочно вошли и часто цитировались слова Писания о божественном характере светской власти. Власть князя стала освященной Писанием. Идея концепции «власти от Бога», которая прослеживается в ПВЛ, также могла быть заимствована из византийской традиции. Так, под 1015 год, после рассказа об убийстве Бориса и Глеба читаем осуждение Святополка за «высокоумие», так как он «не ведый, яко богъ даетъ ему власть, ему же хошетъ; поставляетъ бо цесаря и князя вышний, ему же хошетъ, дать. Аще коя бо земля управится перед Богомъ, поставляетъ ей цесаря праведна, любяща суд и правду, и властеля устраяеть, и судью, правящего судъ. Аще бо князи правдивы бываютъ в земли, то многа отдаются согрешения земли, аще злы бываютъ и лукави, то большее зло наводитъ Богъ на землю»³.

Заслуживает внимания позиция Л. С. Васильева, который считает, что княжеская власть в XI веке в родовом сознании не принадлежала конкретному носителю, а воспринималась в рамках целого рода. Клановый характер власти ранних вождеств, отмечает исследователь, — явление универсальное. Как показывают срав-

нительно-исторические исследования, в процессе институционализации сложных «чифдом», организованных на основе иерархии соподчинения входящих в него частей, власть концентрируется в руках наиболее знатного, влиятельного и удачливого общинного лидера, возвышающегося в верховного вождя.

Идеологический лейтмотив усматривает известный ученый В. Я. Петрухин в сказаниях о первых русских князьях, содержащихся в Повести временных лет. Так, считает историк, призвание варягов и Рюрика было совершено «по ряду» (то есть на основании договора) со словенами, кривичами и мерей, и «установление» Олегом дани, которую те должны были платить варяжской дружине князя, также «по ряду». В этом случае основным лейтмотивом всей летописи является зависимость варягов от законной княжеской власти, без поддержки которой они не имеют права пребывать на славянских землях⁴.

Призвание варяжских князей в Новгород воспринимается как прецедент: право призванного княжеского рода на власть в других славянских городах, пусть и по договору—ряду с их жителями. Деяния первых русских князей Рюрика, Олега, Игоря и Ольги вплоть до трех Ярославичей стали такими прецедентами для всего русского средневековья и в основе их сохранялось древнее предание. Мотив легитимности, по мнению В. Я. Петрухина, является основным для летописцев. Предание претворялось ими в историю, поэтому, собственно, исследование летописного понимания предания, «герменевтика» важнее, чем поиски внешних им аналогий (хотя пренебрегать ими нельзя). Это касается уже первых известий об Олеге — воеводе (НПЛ) или князе (ПВЛ)⁵.

Если второе суждение Петрухина бесспорно, то с первым нельзя согласиться. Во-первых, в повести не идет речь о «ряде» — «земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет да поидите княжить и володети нами». Слово «наряд» здесь стоит рассматривать как порядок, к тому же употребление таких слов, как «княжить» и «володети», не оставляет сомне-

¹ Толочко П. П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987, стр. 106

² Назаренко А. В. Порядок престолонаследия на Руси XI—XII вв.: наследственные разделы и попытки дессигнации. Римско-Константинопольское наследие Руси: идея власти и политическая практика. М., 1995, стр. 83—96

³ Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. 1. 2-е изд. М., 2001, стб. 136—138

⁴ Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия. Из истории русской культуры. Т. 1. М., 2000, стр. 140—141

⁵ Там же, стр. 141

ний, что речь вовсе не идет о каком-либо договоре, здесь — чужь, словене и кривичи явно выступают в роли просителей. Форма слова «избращася» неясна и отсюда совершенно не вытекает, что князей избирали словяне, вероятно, что князья могли быть избраны для этой миссии самими варягами.

Во-вторых, летописец не преследует цель противопоставления «инородной» власти варяга Рюрика власти местных племенных князей, он наоборот — всячески старается подчеркнуть единородность происхождения варяг Руси и словен, чуди, мери, призвавших их, от словен — семени Иафетова. В связи с чем отпадает необходимость в каком-либо договоре, так как само повествование в летописи о призвании именно варяг — не случайность, возможно, одной из задач летописца являлось создание картины воссоединения в глазах современников этих «некогда разбросанных по воле Божией родственных племен».

В этом случае становится оправданным помещение в тексте летописи библейского сюжета о Вавилонском столпе, где говорится о размещении по земле семени Хама, Сима и Иафета и разделении языка, там же упоминается, что словене сели у озера Ильменя: «И прозваша своимъ именовъ и сделаша градъ и нарекоша и Новгородъ... тако разидеся Словянский языкъ темже и грамота прозвася Словенская»¹.

После смерти легендарных первых киевских князей — Кия, Щека и Хорива в Киеве закрепляется Аскольд и Дир, а затем Олег. Вслед за М. П. Погодиным и А. Куником Х. Ловмянский предположил, что Аскольд и Дир закрепились в Киеве благодаря договору со славянами и с киевским вечем и таким же образом, а не путем завоевания утверждается в Киеве и Олег².

Надо отметить что принцип договорной теории, некогда предложенный Сергеевичем в отношении порядка наследования столов, очень прижился в отечественной историографии. Однако с этим предположением нельзя согласиться.

Исходя из того, что, как уже указывалось, вся история дохристианского пери-

ода, изложенная в Повести временных лет, является легендой, служившей определенным, пока до конца не выясненным современными историками политическим задачам летописца, можно предположить, что вымышленные Кий, Щек и Хорив, возможно, ассоциируемые летописцем с библейскими Хамом, Симом и Иафетом (та же параллель возможна при рассмотрении легендарных Рюрика, Синеуса и Трувора), нужны были летописцу только для того, чтобы еще раз подчеркнуть богоизбранное происхождение киевских полян от словян, произошедших в свою очередь от племени Иафетова. Богоизбранность полян и их города Киева подчеркивается летописцем еще и через предыдущий рассказ, в котором он вкладывает в уста Андрея, брата Петра, такие слова: «Видите ли горы сия яко на сихъ горахъ воссияеть благодать Божья имать градъ великъ и церкви многи...»³

Как ясно из дальнейшего текста повести пророчество Андрея сбылось — Кий, Щек и Хорив возводят город на тех самых горах.

Интересно, что после небольшого рассуждения о том, кто же на самом деле был Кий — перевозчик или князь, и описания похода Кия на Царьград как бы в подтверждение обоснования княжеского титула Кия летописец без всякого пафоса, который встречаем позднее при аналогичных описаниях, сообщает о смерти Кия, Щека, Хорива и заодно и их сестры — Лыбеди (вообще не совсем ясен вымысел такого персонажа, как Лыбедь).

Складывается такое впечатление, что данные персонажи, зачем-то необходимые летописцу на начальном этапе повести, могли помешать развитию сюжетной линии в дальнейшем, в связи с чем одновременно были похоронены летописцем. Далее некоторые задачи летописца постепенно проясняются. Так, излагая легенду о «призвании варягов» Рюрика, Синеуса и Трувора, летописец неоднократно подчеркивает, что варяги — суть Русь произошли от словян, то есть опять-таки проводится идея легитимизации рода: «Идаша за море к варягам к Руси ...прозвася Русская земля Новгородци ти

¹ Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. 1. 2-е изд. М., 2001, стб. 5–6

² Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985, стр. 140–142

³ Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. 1. 2-е изд. М., 2001, стб. 8

суть люди Новгородцы от рода Варяжска преже бо беша Словении»¹.

Таким образом, летописец, возведя киевских полян и варягов-Русь, приглашенных в Новгород, Белоозеро и Изборск от словян, приходит в своих рассуждениях к тому, что все они потомки Иафетого племени, расселившиеся по Божиему умыслу. Тем самым мы получаем инсказательный ответ на один из вопросов, вынесенных летописцем в начало летописи: «Откуда есть пошла русская земля кто в Киеве нача перве княжи...»

Также вероятно и то, что летописец пытается предложить читателю летописи ассоциацию, при которой только князья рода Рюриковичей являются истинными князьями всея Руси — «от тех варяг прозвася русская земля». Призванные варяги-Русь в лице Рюрика, Синеуса и Трувора суть словяне — потомки племени богоизбранного Иафета. Приглашенные чюдью, словенами, мерью и кривичами

Рюрик, Синеус и Трувор пришли с родами своими и обосновались в Новгороде, Белоозере и Изборске, то есть в центрах территорий указанных племен. И от тех варяг прозвалася русская земля, а после смерти Синеуса и Трувора «прям власть Рюрикъ и разда мужем своим грады... и теми всеми обладаше Рюрикъ»².

В соответствии с этой концепцией Рюрик стал первым князем русской земли, объединившей в своем составе несколько племенных территорий с их центральными городами и в дальнейшем все потомки Рюрика должны считаться великими князьями русскими, что подчеркивается летописцем уже в описании договоров, заключенных с греками Олегом и Игорем, где, как указано было выше, он называет этих князей так же, как и Рюрика, великими князьями русскими.

¹ Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. 1. 2-е изд. М., 2001, стб. 19–20

² Там же. Стб. 20